

[Арон Шнеер](#)

Особенности расследования в СССР преступлений, совершенных нацистскими пособниками в годы войны

Глава из будущей книги «Профессия – убивать»

Необходимое предисловие автора

История – это рассказ о том, что было, так считали Геродот и древнеримские историки.

Рассказать о прошлом и не предназначать свои исследования только узкому кругу специалистов, одна из задач историка.

Однако способен ли историк быть таким, как призывал в «Анналах» Тацит: «Sine ira et studio» – без гнева и пристрастия?

Объектом исследования истории является человек и его деятельность во времени. Поэтому эмоциональное и нравственное отношение историка к исследуемой проблеме, к совершенному человеком, особенно когда речь идет о военных годах, так или иначе, проявляется в стиле языка, и в рассуждениях самого историка. Он, как и все, не лишен эмоций, его политические и личные симпатии или антипатии в большей или меньшей степени заметны в его работе. Однако важно, чтобы в своих выводах, давая оценку какому-либо событию или личности, историк не уподоблялся только прокурору, а пытался объяснить причины тех или иных событий, мотивы поведения их участников. Историк должен сочетать в себе почти несовместимые функции следователя, прокурора и адвоката.

Выдающийся французский историк Марк Блок – участник Первой и Второй мировых войн, участник движения Сопротивления во Франции, расстрелянный гестапо 16 июня 1944 г., писал: «Есть два способа быть беспристрастным – как ученый и как судья. Основа общая – добросовестное служение истине. Честный судья, каково бы ни было его тайное желание, допрашивает свидетелей с одной лишь заботой – узнать факты во всей подлинности. И для ученого и для судьи – это долг совести, о котором не спорят. Но наступает момент, когда их пути расходятся. Если ученый провел наблюдение и дал объяснение, его задача выполнена. Судье же предстоит еще вынести приговор. <...> В наших трудах царит и все освещает одно слово: "понять».

Исходя из этих посылок, в основном тексте книги, несмотря на то, что моя работа – это попытка сочетать историзм и все перечисленные должностные юридические функции, я постараюсь избежать оценочных характеристик. Однако в предисловии, мне кажется, автор имеет право на эмоциональное пристрастное изложение.

Мне не приходилось сталкиваться с живыми убийцами, но по архивным документам я познакомился с сотнями. За 23 года работы в Яд Вашем, кажется, можно было, я *должен был*, привыкнуть к постоянному погружению в мир человеческих страданий в годы войны. Однако привыкания не произошло. Не перестаешь удивляться человеку: мере его морального падения, высотам человеческого духа, мере человеческих страданий, умению выживать, приспособливаться к условиям, в которых выжить было невозможно.

Жертва и убийца взаимосвязаны смертью. Однако невозможно говорить о тождестве одного и другого. Было два явления, которые привели обоих в разные системы координат жизни и смерти – нацистская идеология и трагедия войны.

Обе категории: жертва и убийца в определенных ситуациях, на разных этапах войны были жертвами. Однако одна из жертв добровольно, а порой в силу сложившихся обстоятельств трансформировалась в профессионального убийцу, сделав свой выбор.

Историк, изучая документы, анализируя их, делает выводы, в этом он похож на следователя, который в ходе расследования восстанавливает картину преступления, собирая по крупицам различные свидетельства. Как и у следователя, все, о чем пишет историк, не является его свидетельством, а результатом анализа фактов, увиденных глазами очевидцев, кем-то записанных воспоминаний, архивных документов, составленных судебно-медицинских экспертиз, найденных фотографий.

Изучение источников всегда рождает вопросы, на которые можно ответить только в ходе изучения и анализа самих источников и приведенных в них фактов. Важно понять, каким образом факты связаны и взаимодействуют между собой. Очень важно критическое отношение историка к изучаемой теме, его готовность усомниться и ничто не принимать априори.

Публикуя документы, историк может ограничиться комментарием к ним. Порой даже отсутствие комментария, на самом деле является лучшим комментарием.

В данной работе использованы документы из архива Яд Вашем в Израиле, архивов Беларуси, Польши, России, Украины, Латвии.

Я доверяю читателю, верю в его сопереживание. Поэтому надеюсь, что читатели воспримут эту работу не как сухой научный труд, а трагедию.

Особенности расследования в СССР преступлений, совершенных нацистскими пособниками в годы войны

Пособников немцев – граждан Советского Союза виновных в физическом уничтожении мирных граждан и советских военнопленных советские органы государственной безопасности, а затем и СМЕРШ^[1] начал разыскивать еще в ходе войны по мере освобождения оккупированных немцами территорий.

В конце июля 1944 г. в руки СМЕРШ попали трофейные документы из освобожденного Майданека и учебного лагеря СС, расположенного в местечке Травники в 40 км от Люблина. В этом учебном центре готовились вахманы СС – охранники для концентрационных лагерей, и, как выяснилось позже, для лагерей смерти. Среди документов оказались и списки-картотека, примерно, с 5 тысячами фамилий, прошедших обучение в этом лагере. Большая часть «курсантов» – бывшие советские военнопленные, перешедшие на службу к немцам и подписавшие обязательство верно служить в войсках СС. Среди курсантов были почти все национальности – «советский интернационал». Однако преобладают украинцы (3600) и русские, много фольксдойч (немцы Поволжья и Украины), татары Крыма и Поволжья, представители народов Средней Азии и Кавказа, есть латыши и литовцы, карел. Среди травниковцев оказался даже еврей, выдававший себя за фольксдойч^[2]. СМЕРШ тотчас занялся розыском «травниковцев», эти поиски затем продолжили соответствующие отделы НКГБ, МГБ и КГБ.

Я не буду рассказывать о перипетиях этих поисков. Об этом можно написать не одну книгу. Первые следственные действия по розыску и наказанию травниковцев датируются августом 1944 г., а последние – 1987 годом. Хотя в научной литературе отмечено, что по делу травниковцев в СССР было проведено не менее 140 процессов, предполагаю, что на самом деле их было намного больше.

Суды над захваченными в конце лета 1944 г., до мая 1945 г. пойманными, разысканными преступниками проводились военными трибуналами действующих армий. Трибуналы руководствовались Приказом Народного Комиссариата обороны № 106. от 19 апреля 1943 г. с объявлением Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». В пункте 2 этого приказа говорилось: «Военным советам фронтов и армий обязать командиров дивизий не позднее 10 мая 1943 г. организовать для этой цели военно-полевые суды в соответствии с требованиями объявляемого Указа. Об исполнении донести.

Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза И. Сталин».

В самом Указе было отмечено:

2. Пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

3. Рассмотрение дел о фашистских злодеях, виновных в расправах и насилиях над мирным советским населением и пленными красноармейцами, а также о шпионах, изменниках Родины из числа советских граждан и об их пособниках из местного населения возложить на военно-полевые суды,

образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политчасти (члены суда), с участием прокурора дивизии.

4. Приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждать командиру дивизии и приводить в исполнение немедленно.

5. Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою Родину.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.

Москва, Кремль. 19 апреля 1943 г.»[3].

На самом деле еще до принятия этого Указа, начиная с декабрьского наступления под Москвой в 1941 г. и далее по мере освобождения от нацистов захваченных советских территорий вслед за войсками практически одновременно туда прибывали оперативные группы НКВД, которые немедленно занимались поисками лиц, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями. Начинался сбор сведений о преступлениях совершенных за время немецкой оккупации. Допрашивались десятки, а то и сотни свидетелей преступлений. Большинство переживших оккупацию, активно сотрудничали с работниками Чрезвычайной Государственной Комиссии[4] и НКВД, так как желали доказать свою лояльность вернувшейся советской власти, если речь идет советских территориях, или аналогичным следственным органам в Польше, освобожденной от нацистов. Именно их показания составляли основной свод документов, собранных ЧГК и следственными органами.

Немногие спасшиеся от смерти евреи также давали показания о пособниках немцев – местных жителях, так как именно они были основными участниками и исполнителями преступлений, совершенных во время немецкой оккупации. Порой удавалось в первые дни задержать и арестовать не успевших скрыться коллаборантов. Скорый суд в соответствии с Указом и – приговоренные повешены на глазах местных жителей. Некоторые из казненных, хотя и заслужили смерть, были лишь второстепенными участниками преступлений. Настоящие организаторы и убийцы, как правило, уходили вместе с немцами.

Продвигаясь на Запад, Красная Армия освобождала сотни тысяч советских военнопленных, а также советских граждан, угнанных, вывезенных немцами. Так же на освобожденной территории оказались и те, кто добровольно ушел с немцами. В связи с этими фактами были приняты специальные правительственные документы.

4 ноября 1944 г. принято постановление Государственного Комитета обороны, в котором говорилось:

«1. Установить впредь следующий порядок направления бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии, поступающих после их освобождения советскими и союзными войсками:

а) всех военнослужащих Красной Армии, освобожденных из плена советскими или союзными войсками, направлять, по мере их возвращения в Советский Союз в специальные запасные части военных округов по назначению ГЛАВУПРАФОРМа НКО.

б) органам контрразведки «СМЕРШ» НКО в течение 1-2 месяцев заканчивать проверку в запасных частях всех прибывших в эти части бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии;

в) после проверки всех военнослужащих красноармейцев, командиров, не вызывающих подозрений, направлять, на пополнение войск фронтов.

Выявленных при проверке лиц, служивших в немецкой армии, в специальных строевых немецких формированиях «власовцев», полицейских и других, вызывающих подозрение немедленно направлять в **спецлагеря по указанию НКВД** для дальнейшей их проверки органами НКВД и «СМЕРШ» НКО.

2. Проверку бывших военнопленных офицеров впредь производить в **специальных запасных частях НКО**.

Разрешить НКВД СССР всех бывших военнопленных и окруженцев рядового и сержантского состава, ныне находящихся в **спецлагерях НКВД**, а также прибывших в спецлагеря НКВД СССР из

Финляндии и 4 ноября с.г. из Англии, по окончании их проверки передавать в *рабочие кадры промышленности* или использовать на строительствах НКВД, а также для службы в охране спецлагерей и лагерей ГУЛАГа НКВД СССР.

Председатель Государственного Комитета Обороны И.Сталин».

В соответствии с Постановлением СНК СССР № 30–12 от 6 января 1945 г. «Об организации приема и устройства репатриированных граждан СССР из Германии и из оккупированных ею стран» при штабах фронтов начали функционировать оперативные группы по репатриации, в работе которых принимали участие сотрудники «СМЕРШ».

Координировал работу Управлений фронтов по работе с военнопленными, которым подчинялись армейские сборно-пересылочные пункты (СПП) и фронтовые проверочно-фильтрационные пункты (ПФП) 2-й отдел ГУКР СМЕРШ НКО СССР, который возглавлял полковник С.Н. Карташов.

Основной задачей смершевцев в эти дни стали поиск, выявление и разоблачение, среди бывших военнопленных не просто нацистских пособников, служивших у немцев на вспомогательной службе: ездových, поваров, шоферов, строителей, ремонтников, подносчиков снарядов, но самое главное – военных преступников, служивших в различных карательных подразделениях. Десятки тысяч карателей были разоблачены, однако, увы, тысячам карателей удалось благополучно пройти первичные фильтры СМЕРШ.

К сожалению, сегодня работники СМЕРШ в различной литературе некоторыми писателями, публицистами, работниками кино показаны в искаженном, порой даже карикатурном образе, их чрезвычайно необходимая работа не только в годы войны, но и после нее незаслуженно оболгана.

Послевоенная фильтрация бывших военнопленных и советских граждан, освобожденных Красной Армией, была необходима. Государство имело право проверять и не доверять. В сборно-пересылочных и проверочно-фильтрационных пунктах, а затем и в спецлагерях лагерях оказались и различные пособники нацистов. Среди них были и лагерные полицаи, и служившие в различных немецких военных и карательных подразделениях от вермахта до национальных формирований СС и полицейских батальонов. Особое место среди них занимали те, кто прошел специальный курс в учебном лагере СС в Травниках. В последние недели и дни войны, многие из них бросив оружие, переодевшись в гражданскую одежду стали выдавать себя за остарбайтеров (Ostarbeiter – восточный рабочий) угнанных немцами, за узников концлагерей и лагерей для военнопленных. Многие из тех, кто оказался в оккупационных зонах союзников в соответствии с Ялтинскими соглашениями^[5] были переданы в советскую зону, как граждане СССР. Все они оказались в проверочно-фильтрационных пунктах и лагерях. Там бывшие коллаборанты смешались с тысячами людей, ожидавшими возвращения в СССР.

Проблема послевоенных судеб военнопленных намного сложнее, чем стало модно писать в годы перестройки и после нее. Среди миллионов^[6] невинных, честных бывших военнопленных и остарбайтеров скрывались десятки тысяч граждан в разной степени и форме сотрудничавших с нацистами. Например, во время допроса 6 августа 1949 г. в г. Львове Н.Слифаренко рассказывает, почему скрыл свои имя и фамилию, и как ему это удалось сделать: «Зная о том, что за совершенные мною преступления я буду репрессирован органами советской власти, я настоящие свои установочные данные заменил, имея при этом цель, что меня органы советской власти никогда не найдут, тем самым я уклонюсь от ареста, так как в Травниках я служил под своей настоящей фамилией – Кабанец Николай Николаевич.

Вопрос: Каким путем вам удалось получить документы на другие установочные данные?

Во время фильтрации у меня на руках никаких документов не было, что дало мне возможность при допросе назваться Слифаренко Петр Николаевич и заменить место рождения.

После прохождения фильтрации, я был направлен на службу в Советскую Армию, где согласно фильтрационной анкеты я получил красноармейскую книжку на фамилию Слифаренко Петра Николаевича, 1922 г. рождения, уроженца села Мировка, Кагарлицкого района Киевской области.

При демобилизации в 1947 г. из Советской Армии я получил документы на фамилию Слифаренко, согласно которых, по прибытию в гор. Львов, я встал на воинский учет, получил паспорт и военный билет и прописался на жительство в гор. Львове, где и проживаю по фиктивным документам по настоящее время».

Таких историй на самом деле тысячи. О том, как проходил процесс фильтрации и последующей

разработки бывших пленников рассказал подробно один из бывших работников миссии по репатриации. В фильтрационном пункте или лагере «после биографических данных записывался весь путь, который человек прошел в плену. Прежде всего, десятки вопросов такого рода: "Кого знаешь из тех, кто был полицаем в лагере, кто служил у Власова, либо там-то и там-то?"

Человек, который собственную проверку мог пройти за несколько часов, иногда на несколько недель застревал на фронтовом или армейском проверочном пункте, до тех пор, пока не вспомнит и перечислит всех тех, кто хоть в какой-то степени был замаран. С точки зрения профессионализма, это, конечно, правильная работа. Человек еще находился в фильтрационно-пересыльном лагере на западной территории, а "разработочка" его уже велась. На него уже набиралось целое дело.

При проверке офицеров личное дело заполнялось еще в американской или другой союзнической зоне. Как только попадали в свою зону, допустим, в Айзенах, или другой крупный лагерь в Тюрингии (офицеры чаще всего отправлялись в Бауцен), там проверка носила более жесткий характер. Офицер проходил пару тройку, а то и больше серьезных допросов. Схема допроса та же: собственный путь, затем, кого знал, когда знал, где знал? Из этого лагеря – в фильтрационный лагерь на своей территории. На человека, у которого что-то где-то было замарано, разработка уже была сделана и попадала в этот лагерь. Пока два-три месяца формировался транспорт из Бауцена на родину, искали тех, кто мог показать по поводу человека, на которого уже даны показания его товарищей по Бауцену.

Большинство пленников в советских лагерях не сидели. Достаточно было тех, кто служил в немецкой армии водовозами, водителями, на кухне, поварами – словом, на хозяйственных работах. А уж те, кто с оружием, – извольте бриться: в ГУЛАГ. <...>

Но даже, если человека отпускали, след за ним тянулся. Вернулся бывший пленный домой, поступил, допустим, на работу, но не на всякую: за ним веревочка, на нем пятнышко – плен, вступил в профсоюз, а "проверочка" все идет своим ходом. А через два-три месяца приходит "ориентировка", там новые сведения об этом человеке. И опять его могут взять. Многих брали и после возвращения из проверочных лагерей».

Конечно, порой многочасовые, неоднократные допросы следователей СМЕРШ, казались многим бывшим военнопленным оскорбительными и несправедливыми. Однако это было необходимо. Надо учесть, что характер и манера проведения допроса зависели во многом и от личности следователя.

В ходе проверок была выявлена только часть коллаборантов, они были задержаны и их вина установлена. Однако ускоренное короткое следствие в дни войны, (речь идет о периоде 1944 г. – до начала мая 1945 г.), отсутствие свидетелей, недостаток прямых и косвенных, документальных свидетельств о совершенных преступлениях, сознательное сокрытие задержанными службы в лагерях смерти – все это привело к тому, что были приговорены к высшей мере наказания лишь те, чье непосредственное участие в расстрелах мирных граждан было неопровержимо доказано. Те, кому удалось скрыть участие в убийствах людей, а их добровольное признание и показания некоторых освобожденных узников, или же сослуживцев-охранников, свидетельствовали лишь об охранной службе в концлагерях, получили от 10 до 25 лет лишения свободы. После того, как 26 мая 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР смертная казнь в СССР была отменена, максимальным наказанием по Указу стало заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет. Благодаря этому избежали заслуженной кары еще тысячи коллаборантов – настоящих убийц и садистов. Более того, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», тысячи бывших полицаем, вахманов СС, власовцев, среди них были и те, которым удалось скрыть участие в карательной деятельности, были амнистированы и в 1955-1956 гг. вышли на свободу.

Однако поиски не наказанных преступников продолжались. Не всем им после войны удалось бежать и скрыться в Англии, Австрии, ФРГ, США, Канаде, странах Южной Америки, Австралии, оказаться во французском Иностранном легионе^[7]. Конечно, большинство оставшихся на Западе не были военными преступниками. В основном это были люди, не желавшие возвращения в СССР, граждане территорий ставших советскими в 1939-1940 гг. Однако среди них было много тех, кто служил в различных нацистских формированиях в годы войны. Но не об оставшихся на Западе речь. Мы говорим о тех, кто оказался в Советском Союзе. Сразу же после войны на основании трофейных документов, актов ЧГК и свидетельств очевидцев советскими органами безопасности были составлены списки нацистских пособников, подлежащих розыску. Первоначально в них числились десятки тысяч фамилий, кличек, имен.

Пособников нацистов вообще и особенно «травниковцев» искали и находили на Сахалине и в

Калининграде, на Украине и в Сибири, в Новгородской области и в Подмосковье, Средней Азии и Кавказе. Некоторые из них поменяли фамилии, однако большинство осталось на своих прежних.

Работники советских спецслужб неумолимо занимались поисками этих коллаборантов, проводили кропотливейшую работу среди бывших пленных, остарбайтеров, среди тех, кто в возрасте от 16 лет и старше проживал на оккупированной нацистами территории. Без этой систематической, многотрудной, повседневной и многолетней работы не были бы выявлены тысячи фашистских пособников, убийц, садистов.

И все-таки многим из них удалось скрыть свое прошлое. После проверок некоторые из них, как уже упомянутый Слифаренко, были призваны в Красную Армию, отслужили в ней от полугода до двух лет и уже с «чистыми» документами возвращались в родные, или, наоборот, в очень далекие места, где их никто не знал. Большинство из них работали рабочими и колхозниками, некоторые инженерами и техниками, кто-то стал руководителем различных хозяйств: заместителем директора маслозавода, зам. директора совхоза[8].

Один травниковец стал студентом горного института. Более того, несколько из них к моменту ареста работали в правоохранительных органах: следователем районной прокуратуры, несколько травниковцев умудрились стать работниками МВД: милиционером, старшиной милиции, а Иван Куринный даже лейтенантом МВД и членом партии. Однако сотрудники госбезопасности, занимавшиеся поисками военных преступников, находили их повсюду.

По мере их обнаружения и ареста, в ходе расследования выявлялись новые факты их преступной деятельности в годы войны, а также звучали фамилии преступников уже отбывших ранее часть наказания и амнистированных. Причем, обнаруженные свидетельства их преступлений были столь очевидными, что против них возбуждались уголовные дела по вновь открывшимся обстоятельствам, и проводилось дополнительное расследование.

Так, в Виннице 1 июня 1961 г. старший следователь следственного отделения УКГБ при СМ СССР по Калининградской области (*прибыл в Винницу для проведения следствия. – А.Ш.*) капитан Шабанов, рассмотрев «материалы расследования вновь открывшихся обстоятельств по делу № 23224, по обвинению Левчишина Ф.П. дал Заключение по материалам расследования в порядке ст. 339 УПК УССР.

Нашел, что 18 апреля 1952 г. Военным трибуналом Прикарпатского ВО Левчишин был осужден по ст. 54-16 УК УССР к 25 годам лишения свободы в ИТЛ. По приговору был признан виновным в том, что в сентябре 1941 г. будучи в немецком плену, поступил на службу в войска СС, по июль 1942 г. обучался в Травниковском учебном лагере СС, а затем в течение года охранял Треблинский лагерь смерти. С октября 1943 г. охранял концлагерь Штутгоф.

31 июля 1956 годы он был досрочно освобожден от отбытия наказания на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. (*Отсидел всего-то три года. – А.Ш.*)

Проведенным расследованием вновь открывшихся обстоятельств установлено, что Левчишин на следствии и на суде скрыл фактические обстоятельства своей службы в немецких войсках СС».

Как оказалось, в ходе следствия в 1960-1961 гг. по делу других травниковцев – Шульца, Куринного, Бородина, из свидетеля по их делу Левчишин превратился в обвиняемого на основании показаний своих сослуживцев и обнаруженных документов. На самом деле Левчишин «с сентября 1941 г. обучался в Травниковском учебном лагере СС. С марта 1942 г. служил в зондеркоманде СС в г. Люблине, где охранял еврейское гетто, конвоировал евреев для погрузки в эшелоны и сопровождал эшелоны в лагеря смерти.

С июля 1942 г. по ноябрь 1943 г. он служил в зондеркоманде СС при Треблинском лагере смерти, где ему за хорошую службу немцы присвоили звание обервахмана, а затем роттенвахмана (соответствует званию помкомвзвода), назначили на должность помощника командира взвода и наградили немецкой медалью.

В период службы в этом лагере он неоднократно участвовал в разгрузке эшелонов с обреченными на смерть людьми, загонял смертников в душегубку, участвовал в одиночных и массовых расстрелах. (*Все эти факты были скрыты Левчишиным на следствии в 1952 г. – А.Ш.*)

Допрошенный в качестве свидетеля по делу Шульца, Куринного и Бородина 8 марта 1961 г., Левчишин признал свое личное участие в уничтожении людей в Треблинском лагере смерти путем загоня в газовые камеры, а также участие в массовом расстреле заключенных «рабочей команды» лагеря осенью 1942 г.

То же самое он показал, будучи допрошенным в качестве свидетеля в судебном заседании по делу Сенника Н.Т. 6 февраля 1960 г.

Кроме того, его участие в расстрелах и массовом уничтожении людей путем удушения в газовых камерах подтверждается показаниями допрошенных свидетелей Скакодуба Н.А., Прица С.М., Кузьминского А.Г., Сенника Н.Т., а также показаниями ранее осужденных Лелеко П.В., Стрельцова А.И., Щербак А.К., Гончарова П.Н., Шевченко И.С., Мачулина И.Н., служивших вместе с Левчишиным в Треблинском лагере смерти.

Как помощник командира взвода Левчишин не только лично участвовал в массовом уничтожении людей в Треблинском лагере смерти, но и руководил службой вахманского состава взвода, разводил вахманов по постам, контролировал несение ими службы, связанной, главным образом, с массовым уничтожением людей.

Учитывая исключительную тяжесть преступлений, совершенных Левчишиным Ф.Ф. в период его службы в Треблинском лагере смерти, его личное участие в массовом уничтожении людей и то, что эти обстоятельства не были известны суду при вынесении приговора по его делу в 1952 году, –

Полагал бы:

Возбудить ходатайство перед Главным Военным прокурором о принесении протеста в Военную Коллегию Верховного Суда СССР на предмет отмены приговора военного трибунала Прикарпатского военного округа от 18 апреля 1952 года в отношении Левчишина Филиппа Федоровича по вновь открывшимся обстоятельствам и направлении дела на новое расследование со стадии предварительного следствия».

Три поколения сотрудников государственной безопасности, занимавшиеся поиском нацистских пособников, работали превосходно и заслуживают величайшего уважения. Люди, пережившие издевательства полицаев, охранников, прошедшие лагеря и гетто, чудом уцелевшие и их потомки, должны быть признательны, что еще в ходе войны их мучителями занялись органы госбезопасности Советского Союза. Огульные обвинения СМЕРШ в беспричинных проверках бывших советских военнопленных, среди которых скрывались ранее служившие в строевых частях немецкой армии, в подразделениях карателей, или бывшие власовцы, беспочвенны. Ибо только проверки могли выявить огромное количество убийц, которые пытались скрыть свое преступное прошлое переходом партизанам Франции в 1944 г.^[9], или переходом во власовские формирования (январь-март 1945 г.) и к партизанам Югославии весной (в апреле!) 1945 г., чтобы скрыть свою службу в СС и лагерях смерти.

Так, в декабре-январе 1945 г. около 800 травниковцев находились в специальном лагере неподалеку от Дрездена. В январе 1945 г. в этот лагерь прибыла комиссия от штаба РОА и начала вербовать бывших охранников СС на службу в Русскую освободительную армию. **Большинство** (выделено – А.Ш.) вахманов СС стали подавать заявления о зачислении их в Русскую освободительную армию.

Вот, например, заявление лишь одного из травниковцев, подавшего просьбу в январе 1945 года комиссии РОА:

«Генерал-лейтенанту Русской освободительной армии –

господину Власову

от военнопленного охранника учебного лагеря "СС" Степанова Ивана Васильевича 1921 г. рождения, урож. с. Яндовка, Октябрьского района; Тульской области.

Прошу Вас, уважаемый господин генерал, зачислить меня в Русскую освободительную армию, так как я желаю участвовать в борьбе против советских войск за создание независимой России». По словам Степанова вместе с ним подали заявления о приеме в РОА травниковцы: Комендантов Егор уроженец Мариуполя, Кобанец Николай уроженец Киева, Шеременда Иван из Тарнополя, Савчук Иван из Коломыйского района Станиславской области, Кныш Иван из Сталинской области, якобы потом сбежал в партизаны. Решетько Алексей.

Дорофеев Н.А., приговоренный в мае 1949 г. за службу в СС к 25 годам ИТЛ, в апелляционной жалобе просил учесть: **«что служил до апреля 1945 г. После этого больше у карателей не служил, а ушел к партизанам Югославии.** Каким цинизмом, наглостью надо было обладать, чтобы просить о смягчении приговора, мотивируя тем, что стал партизаном. Когда? В апреле 1945 г.!

К сожалению, порой сокрытию преступного прошлого содействовали и сами бывшие партизаны.

Так во Франции «Бюро партизанских отрядов» в Марселе снабжало советских граждан, ранее служивших в РОА и немецкой армии, аттестатами, удостоверяющими факт нахождения их владельцев в партизанских отрядах и активное участие в борьбе против немцев. Причем такой документ можно было даже купить.

Различными путями пособники нацистов, старались избежать наказания, и только скрупулезная работа сотрудников органов госбезопасности позволяла выявить предателей и убийц и привести их на скамью подсудимых. Кровь невинных жертв хотя бы частично, ибо, к сожалению, далеко не всех преступников удалось найти, была отомщена.

Я от себя лично говорю: «Спасибо тем сотрудникам НКВД, СМЕРШ, МГБ, КГБ, еще живым и уже ушедшим в мир иной, которые до конца 80-х годов разыскивали убийц среди нацистских пособников».

Об этой работе почти ничего известно, кроме немногих газетных публикаций. Год за годом велся розыск военных преступников. Результатом работы «поисковиков» были процессы и суды как открытые, так и закрытые, многочисленные заседания военных трибуналов, судивших убийц из Травников. В книге мы пойдем по следам некоторых из таких процессов, ознакомимся с титанической работой следователей по сбору фактов, изобличению во лжи преступников, пытавшихся скрыть правду о своих преступлениях.

Особенность этих дел в том, что в них речь шла о преступлениях совершенных не только против одной личности, а против сотен тысяч и миллионов людей. Они не могли говорить, молчали, став пеплом, рассеянным на территории лагерей смерти и их окрестностей.

Однако свидетельствовали **немногочисленные, чудом выжившие** узники разных гетто, Яновского лагеря, участники восстания в Трешлине и Собиборе, узники Освенцима, Майданека, Бухенвальда, Штуттгофа, Флосенбурга и других лагерей, в которых несли службу обвиняемые. Эти свидетельства разных лет охватывают период с 1944 г. до начала 90-х годов.

На своем специфическом языке говорили акты судебно-медицинской экспертизы, проведенной на местах преступлений;

Важнейшим неопровержимым доказательством службы обвиняемых в лагерях смерти и концлагерях оказались **немецкие документы:**

1. Личные регистрационные анкеты-карточки травниковцев, в которых указаны биографические данные: фамилия, имя, национальность, место и год рождения, личный номер вахмана СС, отпечаток большого пальца. На оборотной стороне анкеты указаны сроки и места прохождения службы, отметки о предоставлении отпуска.

2. Приказы о присвоении званий, поощрений и наград,

3. Подписка (присяга), подписанная непосредственно курсантом-травниковцем.

4. Подписка об уголовной ответственности в случае совершения преступления или проступка также с личной подписью «травниковца».

5. Выписки из немецких трофейных документов о перемещениях вахманов.

А также многочисленные документы из лагерей: Освенцима, Майданека, Бухенвальда, Флосенбурга, Штуттгофа и других, в которых упомянуты фамилии вахманов.

Пришлось давать показания **и жителям сел**, возле которых находились фабрики смерти. Селяне говорили не очень охотно. Почему? Об этом необходимо рассказать подробнее. Польские крестьяне, жившие в этих селах, очень преуспели от соседства с лагерями смерти. Повседневными были торгово-обменные операции с охранниками-убийцами. Так вахманам лагеря смерти Белжец «часто продукты и водку поляки привозили и приносили к самому лагерю». В других случаях вахманы сами ходили за продуктами. Например, вахман Каплун, регулярно ходил в польские деревни, и всегда приносил для своих сослуживцев водку, колбасы, гусей.

Крестьяне обменивали или продавали охранникам водку, еду за вещи, деньги и драгоценности, которые ранее принадлежали жертвам. Кроме того, в случае побега узников из транспортов, приходивших в лагерь, либо беглецов из самого лагеря, местные крестьяне охотились на бежавших, убивали и грабили их, либо передавали в лагерь, за что получали соответствующую награду.

Надосказать и о том, что местные женщины-польки охотно встречались с вахманами. Более

того, в соседние с лагерями смерти деревни приезжали женщины из других сел и даже городов, чтобы продать свои сексуальные услуги вахманам, зная, что те служат в лагерях смерти. Именно этот факт и привлекал их внимание. Как местные, так приезжие «подруги» взимали плату ценностями ограбленных жертв. Обо всем этом рассказали во время следствия их «друзья» – вахманы.

Так, служивший в Треблинке, Дмитрий Бородин на допросе 21 апреля 1961 г. рассказал, что деньги вахманы отбирали, брали в «раздевалке»^[10]. «Деньги я тратил на водку и продукты, которые приобретал чаще всего через отца своей сожительницы. Сожительницу мою звали Янка, ей в то время было лет 17, жила она на хуторе, примерно, в километре-полтора от деревни Кутаски».

Об этом же свидетельствует на допросе 24 августа 1961 г. и Самуил Прищ, также служивший в Треблинке: «Мы часто ездили в Кутаски к своим сожительницам и носили им деньги, которые брали в лагере смерти у лиц еврейской национальности... брали эти деньги в вещах уничтоженных людей».

Очень интересную деталь, характеризующую отношение местных жителей к евреям, отмечает далее С. Прищ: «Моя сожительница в селе Кутаски, у которой я часто бывал вместе с Лелеко, не хотела называть по моему настоящему имени – Самуил, ей это имя не нравилось и она называла меня «Женей», т. е. Евгением». *(Вероятно, имя «Самуил» напоминало полячке о евреях, о которых она и слышать не хотела. – А.Ш.)*

Имели сожительниц в Кутаски вахманы Федор Левчишин и Григорий Гапиенко, который «таскал ей туда деньги и вещи».

Вахманы из Треблинки ходили отдохнуть и в другую соседнюю деревню – Вульки, где местные жители были столь же радушны с ними, как и в Кутаски. Об этом убедительно свидетельствовал на допросе 27 февраля 1951 года Петр Гончаров: «Я, как и другие, вахманы СС, когда раздевались обреченные на смерть, забирал у них деньги, хорошую одежду, золотые вещи и драгоценные камни для личного использования, которые потом обменивал на спиртные напитки у жителей сел Вулька и Кутаски, куда ходили самовольно почти ежедневно».

Иван Куринной показал, что его друг вахман Михаил Горбачев, с которым он служил в Треблинском лагере также, как и другие вахманы, бил, расстреливал. Брал деньги и вещи, то и другое таскал к своей девушке. Я, когда еще не имел своей девушки, тоже давал ему деньги.

Горбачев, «был болен венерической болезнью» однако часто ходил в деревню Вульки, где у него была девушка по имени Ванда или Зося., которая и лечила его.

Так как на долю Куринного в Вульках не осталось женщин, все они оказались занятыми, поэтому Горбачев познакомил Куринного с поляком, который возил его «несколько раз на хутор, километра два от Вуллек, где познакомил меня с девушкой, с которой я стал сожительствовать».

Порой между вахманами и местными красотками складывались более серьезные отношения. Так, по словам Куринного, после перевода группы вахманов для продолжения службу в Бухенвальд, Горбачеву и Черникову, который «очень следил за собой и выделялся среди других своим культурным внешним видом, знакомая полячка высылала посылки в Бухенвальд».

Из сказанного следует, что местные жители, жившие по соседству с лагерями смерти, опосредованно были соучастниками преступлений против евреев. Они кормили, поили убийц, скупали или обменивали награбленные вещи и ценности – т.е. обогащались за счет имущества уничтожаемых.

Деревни возле лагерей преобразились, разбогатели. Строились новые каменные дома, на других появились железные крыши.

Более того, оказалось, что товарно-денежные отношения с крестьянами, связь с местными женщинами стимулировали активность вахманов, их желание непосредственно участвовать в убийствах евреев.

Так, Куринный подчеркивает, что среди вахманов, служивших вместе с ним «в Треблинском лагере смерти были отдельные «любители», особенно из тех, кто имел девушек в окрестных селах или много пил, которые по своей инициативе, добровольно напрашивались на пост в «лазарет», потому, что там было удобнее всего набрать денег, ценностей и вещей, оставшихся от расстрелянных^[11]. Я же сначала девушки не имел, денег на водку мог раздобыть и без «лазарета», поэтому в «лазарет» добровольно я никогда не вызывался, а ходил туда, как и большинство других вахманов, только тогда когда меня туда назначали. Поэтому на посту в «лазарете» я расстрелял людей не больше, чем большинство других вахманов, которые по очереди туда назначались, и, безусловно, меньше тех «любителей», о которых я показал выше.

Важно отметить, что следователь следотдела КГБ при СМ УССР лейтенант Яновский на допросе 14 июля 1961 г. задает Куринному уточняющий вопрос: Каким образом к вам и другим вахманам попадали деньги и ценности уничтоженных в Треблинском лагере смерти людей?

Куринный отвечает откровенно: «Перед уничтожением в газовых камерах все привозимые в Треблинский лагерь смерти евреи раздевались и оставляли свои вещи в раздевалках и возле них. Идя мимо «кассы» они сдавали дежурившему там еврею из «рабочей команды» и вахманам деньги и ценности, бросая их в приготовленный для этой цели чемодан. При этом вещи и деньги многими обреченными на смерть людьми бросались прямо на землю. Находясь на посту у раздевалки и «кассы» **я и другие вахманы имели возможность взять себе небольшое количество денег и вещи.** Дежурившие там немцы следили, чтобы вахманы не брали золото и драгоценности. Поэтому **я и другие мои товарищи всегда имели деньги в таком количестве, в каком они нам были необходимы.** Брали мы себе только «злотые», поскольку их охотнее всего принимали от нас местные польские жители. (Выделено А.Ш.)

Дали подробные сведения следствию и несколько бывших охранников – участники преступлений, однако нашедшие в себе силы к раскаянию и сопротивлению. Они, захватив оружие, в марте 1943 г. бежали к партизанам, сражались с нацистами, после войны, все-таки привлеченные к ответственности, помогали следствию правдивыми подробнейшими, безжалостными рассказами о себе и своих сослуживцах по службе в лагерях смерти и концлагерях. Этим они хотели снять с себя груз вины, тяготившей их. Действительно, были и такие. Всего несколько человек...

Пришлось давать показания и найденным, арестованным убийцам. Большинство из них под давлением неопровержимых улик вынужденно признавали свои вину и нехотя рассказывали о преступлениях совершенных ими и их товарищами. Однако были и те, кто не признавали своей вины, изыскивали малейшую возможность скрыть свое прошлое, путем признания службы в немецкой армии, даже в СС, охранником в концлагерях, но они категорически отрицали службу в лагерях смерти, участие в издевательствах и расстрелах.

Именно так вел себя на допросах Вячеслав Дмитриев, родившийся в 1922 г. в Воронеже. До войны он закончил 10 классов, В мае 1942 г. раненым попал в плен в Керчи. В июне 1942 г. уже находился в учебном лагере СС Травники. В 1948 году был осужден к 25 г. ИТЛ. Освобожден из заключения по амнистии в декабре 1955 года. Проживал в Минусинске. В ходе нового следствия Дмитриев на допросах в августе-октябре 1966 года не признал ни одного из предъявленных ему обвинений и отрицал показания своих сослуживцев. Вот выдержки из его ответов: во время ликвидации Люблинского гетто осенью 1942 г. «кто из вахманов стрелял я не видел... я конвоировал узников... фамилий вахманов не помню... немцы приказали нам, чтобы мы, слабых и тех узников, которые не могли передвигаться стреляли на месте. За время акции слышались выстрелы, но кто стрелял из вахманов и в кого, я не помню. Я лично ни в кого не стрелял и не грабил узников. <...>

Вопрос: 18 сентября 1966 г. Свидетель Литвиненко Василий Никифорович показал, что в Люблине Вы меняли у местных жителей ценности на водку. У кого вы забирали ценности, которые меняли на водку?

Ответ: Показания Литвиненко Василия не подтверждаю, так как никаких ценностей не имел и не менял их на водку.

Вопрос: На том же допросе Литвиненко показал, что весной 1943 г в период массового трехдневного расстрела узников Яновского лагеря в г. Львове, конвоировали узников Яновского лагеря к месту их казни к оврагу «Пески» и при этом избивали их, заставляли раздеваться, и сталкивали обреченных в овраг под пули автоматчиков Вы отбирали ценности у обреченных.. Почему вы скрываете эти факты?

Ответ: Показания Литвиненко мне понятны, но их не подтверждаю....

Вопрос: на допросе 7 сентября 1966 г. обвиняемый Панкратов Георгий Антонович показал о том, что вы при охране вы избивали узников, работавших на деревообрабатывающем комбинате. Осенью 1942 г. при ликвидации гетто в Люблине, он лично видел, как вы стреляли из винтовки в слабых и больных узников. Почему вы скрываете эти факты?

Ответ: Показания Панкратова мне понятны, но я их не подтверждаю, так никогда узников не избивал, даже не знаю кто подгонял узников в работе. При ликвидации гетто я стоял в оцеплении и не участвовал в конвоировании узников в Майданек и не стрелял в них».

Далее следователь приводит свидетельства Г. Панкратова и А. Жукова, что Дмитриев лично

убил двоих узников из Яновского лагеря, однако Дмитриев вновь отрицает этот факт: «Я никого не убивал. Я у ям-могил, где немцы стреляли узников, не был. Показания Жукова я не подтверждаю. <...> Жукова Алексея я вообще не помню».

Дмитриев отказывается подтвердить и знакомство с другими своими сослуживцами.

Вопрос: следствием установлено, что вместе с вами в Люблинской и Львовской команде «СС» в 1942-1943 годах служили Станков, Миночкин, Лагутин.

Ответ: Возможно, я и служил в командах вахманов СС вместе с Миночкиным, Станковым и Лагутиным, но я их не помню, и по этой причине не могу сообщить о их карательной деятельности».

Точно также вел себя во время следствия и суда в 1951-1952 г. Павел Щилохвост, который признав учебу в Травниковском учебном лагере СС, охрану гетто в Люблине, службу в Яновском лагере во Львове и лагерях Майданек и Бухенвальд, во время судебного заседания «заявил, что **никогда** в расстрелах узников не участвовал и **даже не видел, чтобы их расстреливали**». (выделено автором. – А.Ш)

Такая позиция полного непризнания своей вины, отказ свидетельствовать против своих сослуживцев явление достаточно редкое в делах о нацистских пособниках. Чаще всего, если не на первых допросах, то на последующих, под давлением улик, свидетельств очевидцев, обвиняемые признаются в обвинениях и свидетельствуют затем о «соратниках» по преступлениям. Однако в ходе суда некоторые вновь отказываются от своих показаний.

Так Похвала-Похвалитов, прошедший обучение в Травниках и с марта 1943 г. служивший в Яновском лагере во Львове, затем в Люблинском, Краковском, Ораниенбургском концлагерях на следствии в 1951 г. признал, что служил в этих лагерях охранником и конвоировал и сопровождал узников к месту работы, а также в момент расстрела узников обеспечивал охрану и закапывал трупы, конвоировал узников к вагонам для отправки к месту уничтожения. Во время судебного заседания Похвала-Похвалитов заявил, что на предварительном следствии оговорил себя и что о расстрелах узников ему ничего неизвестно. 22 ноября 1951 Военным трибуналом Прикарпатского военного округа Похвала-Похвалитов был приговорен к 25 годам ИТЛ. Однако Комиссия Президиума Верховного Совета СССР своим постановлением от 18 июля 1956 г. снизила меру наказания Похвала-Похвалитову до 10 лет.

Эти факты вновь свидетельствуют о том, что показания у обвиняемых не «выбивались» и не фальсифицировались следователями.

Некоторые из обвиняемых в ходе следствия и во время судебного заседания рассказывали о своем героическом участии в боях до попадания в плен, заявляли о своей якобы антифашистской деятельности в лагерях, оказании помощи узникам, называли себя жертвами оговора и сведения личных счетов, и даже в последнем слове вовсе не признавали своей вины^[12].

Задача следователя, занимавшегося делами нацистских пособников, почти не отличалась от работы следователя, занимавшегося обычными уголовными преступлениями. То есть следователь должен был путем доказательств установить сам факт преступления, виновность конкретного лица, добиться признания обвиняемого. Для этого следователям необходимо было собрать как можно больше фактов о личности и деятельности обвиняемых.

Следователь, работавший по делам нацистских преступлений сталкивался с историческими фактами, свидетельствами, документами, которые не вписывались в официальную героико-патриотическую историю Великой Отечественной войны.

Следователи в ходе следствия, а судьи военных трибуналов на процессах знакомились с жестокой правдой тех лет: обстоятельства попадания в плен, пребывание в плену, национальные противоречия, сотрудничество с нацистами сотен тысяч советских граждан, жизнь на оккупированной территории, подчеркнуто избирательный массовый характер уничтожения евреев в лагерях смерти – все эти сведения не подлежали никакой огласке в 50-80-е годы. К сожалению, порой, многие архивные документы, включая материалы процессов, остаются закрытыми, недоступными для исследователей и сегодня.

Кроме того, следователь, занимавшийся поиском и разоблачением участников массового уничтожения людей, испытывал особо тяжелые психологические нагрузки, вплоть до стресса, ибо повседневно погружался в трагические события тех лет, в бездну человеческих страданий, знакомился с чудовищными, ужасающими подробностями массовых убийств, садистских издевательств. При этом ему следовало оставаться беспристрастным и соблюдать правовые нормы в ходе допросов и ничем

не проявлять своего отношения к обвиняемому.

Все, что человек говорит, пишет – характеризует его. Это касается как следователя, так и подозреваемого, или обвиняемого. Важно отметить, что все показания записываются лично следователем. Как известно, требования к ведению протокола допроса сложились на протяжении веков юридической практики. Важнейшим было требование записывать протокол допроса от первого лица и дословно. Следователь не имеет права подсказывать ответ допрашиваемому. Все, что рассказывается о других, совершенных обвиняемым или другими лицами, преступлениях, о которых не было сведений у следствия, должно быть зафиксировано в протоколе допроса. Эти сведения чрезвычайно важны для оценки личности обвиняемого и могут казаться очень полезными при работе с другими следственными делами о преступлениях пособников нацистов.

Особенностью дел по делам нацистских преступников в СССР, является то, что несмотря на недопустимость эмоциональных и нравственных оценок следователем действий, совершенных преступником, или событий, отраженных в допросе, следователи неоднократно дают подобные оценки. Следователи, не искажая факты и смысл сказанного, порой вписывают в речь допрашиваемых, чаще всего имеющих, низкий уровень образования (начальное, незаконченное среднее, хотя среди обвиняемых встречаются люди со средним, специальным, незаконченным высшим и высшим образованием), не свойственные им разговорные штампы советской юридической, политической и идеологической лексики: «граждане еврейской национальности», «кровавая деятельность», «моя преступная деятельность», «к суровой ответственности», «пособническо-грабительская деятельность», «беззащитные мирные граждане», «предателей и изменников родины», «массовое злодеяние», «преступно-кровавыми делами по отношению к своей родине и советскому народу».

Об этой проблеме «редактирования» и нивелирования показаний следователем писал еще в 1942 г. известный советский юрист С.А. Голунский. Он указывал на необходимость сохранения в протоколе стиля и манеры речи допрашиваемого. Несоблюдение этого требования приводит к тому, что, по словам Голунского, «если верить протоколам, старый профессор математики, актриса театра оперетты, ломовой извозчик, неграмотная домохозяйка и 12-летний школьник говорят одинаково».

Впрочем, и сами допрашиваемые, будучи продуктом советской системы, впитавшие штампы советской пропаганды, использовали ту же терминологию, стремясь подчеркнуть свое отрицательное отношение к собственному прошлому.

Уже в документах следствия в показаниях вахмана И. Шевченко на допросе 8 сентября 1944 г. появляется не использовавшийся ранее термин, понятие – «лагерь смерти». Появление термина означает, что уже тогда наступил решающий момент осознания самого явления, которое позже станет известным как Холокост, Катастрофа.

В ходе следствия никак невозможно было обойти национальность большинства уничтоженных нацистами в лагерях смерти и в ходе различных облав, акций, проводимых на территории Польши. И хотя сами преступники неоднократно называют ее, следователи не всегда конкретно указывали национальность жертв. Один следователь прямо пишет – «евреи», «граждане еврейской национальности». Другой заменяет национальность жертв, классическим советским эвфемизмом: «мирные граждане». Все это тоже свидетельствует о человеке, режиме, национальной политике и новом подходе к ней. Тенденция сокрытия национальности жертв наметилась в 1943 г. Так в сообщении о зверствах нацистов в Ростове-на-Дону, опубликованном в марте 1943 г., евреи впервые не упоминаются, а жертвы названы «мирными советскими гражданами».

И все-таки в ранних следственных материалах слово «еврей» употребляется следователями намного чаще, чем в делах 60-80-х годов. «Удачно» найденное сочетание «мирные советские граждане» станет обычным для сокрытия национальностей жертв вплоть до 90-х годов прошлого века и, увы, порой используется и сегодня^[13]. Не менее устойчивым образованием станет и «граждане еврейской национальности», причем подобное словосочетание употреблялось только по отношению к евреям. Ничего оскорбительного в этом сочетании, возникшем в советских пропагандистских институтах, безусловно, нет, однако подразумевалось, что слово «еврей» носит некую оскорбительную, уничижительную коннотацию, и может оскорбить представителя «граждан еврейской национальности» – еврея. Однако именно это сочетание и выделяло евреев в письменной и устной речи среди других национальностей. Никому же не приходило в голову писать или говорить: «граждане русской, латышской, цыганской... национальности. Это уже тенденция и установка спущенная сверху.

Кроме кропотливой предварительной работы до встречи с арестованным, как это происходило в 50-80-е годы следователь, с целью сбора доказательной базы, знакомился с огромным объемом материалов следственных дел по предшествующим процессам, в которых присутствовали фигуранты новых дел, или дел возбужденных по вновь открывшимся обстоятельствам.

Изучение материалов следствия, судебных дел, конечно, требует критического осмысления приводимых фактов и понимания проблемы взаимоотношения следователя и подследственного, у которых противоположные интересы и задачи. У одного – скрыть либо минимизировать правду, опровергнуть приводимые доказательства, чтобы добиться если не оправдания то минимального наказания, у следователя – доказать вину и добиться, в лучшем случае, полного признания и сотрудничества в ходе следствия, в худшем – признания хотя бы частичной вины в отдельных пунктах обвинения и возможной помощи следствию.

Следователям, особенно в делах связанных с доказательством участия подследственных в уничтожении мирного населения, во время допросов свидетелей, подозреваемых, обвиняемых приходилось не раз сталкиваться с тем, что допрашиваемые представляли особенно на первых этапах следствия заведомо ложные показания, стремились запутать следствие, сознательно искажали факты, например, говорили об ином времени и месте службы, тем самым отрицая возможность участия в инкриминируемых им преступлениях.

Свидетельские показания тоже имеют свои особенности. Свидетели могут ошибаться или сознательно лгать по собственной воле, или под давлением, даже порой по предложению следствия. Некоторые свидетели, особенно соучастники преступлений, осторожничали, говорили далеко не все, испытывая законные опасения: как бы не превратиться из свидетеля в обвиняемого (что происходило неоднократно), поэтому дозировали свои показания. Еще сложнее было с обвиняемыми, которые прибегали к всевозможным уловкам, стремясь скрыть правду и уйти от ответственности, переложить вину на других. Подследственные или обвиняемые порой полностью не признавали вины, отрицали правдивость доказательств, сообщали ложные сведения, отрицали факты участия в преступлениях.

Часто подследственные или обвиняемые признавали менее значительные преступления, либо часть их, с единственной целью: уйти от заслуженной ответственности, либо получить более мягкое наказание.

(окончание следует)

Примечания

[1] Главное Управление контрразведки «СМЕРШ» — Смерть шпионам. Преобразовано из [Управления особых отделов НКВД](#) секретным Постановлением [Совета народных комиссаров СССР](#) от [19 апреля 1943 г.](#) В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1946 г. ГУКР СМЕРШ было передано в состав МГБ СССР и получило название 3-го Главного управления.

[2] 26 октября 1949 г. был арестован Гуттари Шмиль Григорьевич, работавший до ареста фотокорреспондентом журнала «Огонек». 1920 года рождения, еврей, беспартийный.

Гуттари Шмиль в 1941 г. попал в плен, «Находясь в лагере военнопленных в гор. Бяла-Подляска (Польша), выдал себя за «фольксдойч», после чего был направлен в учебный лагерь «СС» в Травники. В течение трех лет служил адъютантом и переводчиком немецкого языка при коменданте лагеря, принимал активное участие в массовом истреблении мирных граждан и зверски избивал заключенных».

[3] Важно, что этот Указ был принят без права публикации.

[4] Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) – государственная комиссия СССР в годы Великой Отечественной войны. Комиссия была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года.

16 марта 1943 года была утверждено положение о Чрезвычайной государственной комиссии, где сообщалось, что ЧГК собирает документальные данные, проверяет их и по мере необходимости публикует материалы о нацистских преступлениях и материальном ущербе. В соответствии с положением от 16 марта 1943 г. В республиках и областях также были созданы местные комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, которые действовали в тесном сотрудничестве и под руководством ЧГК. К началу 1944 года действовало 19 областных и республиканских комиссий.

[5] Ялтинская конференция с участием глав СССР, США и Великобритании состоялась в Ялте 4-11 февраля 1945 г. Ее итогом были глобальные политические и территориальные договоренности о послевоенном устройстве мира. Среди них было и секретное соглашение о насильственной выдаче СССР всех советских граждан по состоянию границ на 1 сентября 1939 г., оказавшихся в результате войны за пределами СССР.

[6] По разным сведениям, на 1 марта 1946 г. было репатрировано в СССР 4,440901 человек. (П.Полян. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М.; 1996. с. 527. Там же Полян приводит сведения и А.Шевякова: на 1 марта 1945 г. было репатрировано 5 229 160 человек. (А.Шевяков. «Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции». Сб. научных трудов. «Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции». М., 1994, с. 195-222.

[7] Только из западных зон Германии к 1950 г. было вывезено в различные страны, в основном в США, Великобританию, Австралию 117 599 бывших советских граждан. При том, что к концу 1951 г. на территории западных зон оккупации Германии и Австрии продолжало оставаться 103 371 бывших советских граждан. Материалы по истории Русского освободительного движения. Статьи, документы, воспоминания. М., 1999, с. 304-305.

[8] Не травниковец, однако характерный пример. Васюра Г.Н. с декабря 42-го начальник штаба 118-го полицейского батальона, сжегшего Хатынь. В 1952-м арестован, приговорен к 25 лет ИТЛ. На следствии и в суде он скрыл свое участие в карательной деятельности. В 1955 г. был амнистирован. Вышел на свободу. Говорил, что сидел, лишь за то, что побывал в плену. Получил статус участника Великой Отечественной войны. Неоднократно был почетным гостем Киевского высшего военного инженерного училища связи имени М.И. Калинина, которое закончил до войны. Работал

заместителем директора крупного совхоза в Киевской области. Сгубило Васюру то, что в 1985 году, на 40-летие Победы, он стал требовать себе орден Великой Отечественной войны. Тогда-то служащий военкомата и обнаружил, что Васюра до сих пор числится пропавшим без вести. Стали разбираться. Обнаружили ещё одного ветерана ВОВ – некоего Мелешко, командира первой роты 118 полицейского батальона. Мелешко начали допрашивать, и он сдал Васюру, с которым переписывался. В ноябре-декабре 1986 года в Минске, Трибунал Белорусского военного округа судил Григория Васюру – одного из главных палачей Хатыни. Свидетельствовали 26 – карателей из его батальона. Их привезли в Минск со всего Советского Союза (каждый из них к тому времени уже отбыл своё наказание). КГБ собрал 14 томов дела № 104, в которых были доказаны преступления Васюры. Военный трибунал приговорил Васюру к расстрелу.

[9] К концу 1944 г. немецкие войска были полностью изгнаны с территории Франции. В это время там находилось около 94 тысяч советских граждан. В основном это были бывшие военнопленные, служившие в вермахте, или работавшие в Эльзасе и Лотарингии оstarбайтеры, а также военнопленные, бежавшие к французским партизанам, даже сражавшиеся в армии генерала де Голля. См.: Eistere K. Franzosische Besatzungspolitik. Tirol und Voraberg 1945/1946. Jnsbrucker Forschungen zur Zeitgeschichte. Jnsbruck, 1992. Bd .9 S. 242.

[10] После разгрузки из вагонов, прибывших людей направляли в так называемую «раздевалку», размещавшуюся в двух отдельных бараках, где обреченные на смерть люди, не подозревая о своей участи, раздевались и в порядке очереди сдавали на хранение свои вещи и имевшиеся у них ценности в «кассу». <...> Мне лично самому несколько раз приходилось объяснять обреченным, чтобы они следовали в «раздевалку», а затем в «баню». Мужчины и женщины раздевались отдельно в своих «раздевалках». После сдачи ценностей людей направляли в «баню», т.е. «душегубку». Из протокола допроса Шульца Э.Г. от 28 февраля 1961 г.

[11] В каждом лагере смерти было специальное место, над которым был флагшток с прикрепленным белым флагом со знаком красного креста. Однако здесь не оказывали помощь. Здесь уничтожали тех, кто не мог самостоятельно передвигаться. «Люди, попадающие в лазарет, садились или ложились около ямы, на дне которой горел огонь. Все доставлялись в лазарет в раздетом виде и нами, вахманами, или немцами из винтовок и автоматов в упор расстреливались и сбрасывались на дно ямы в огонь и там сгорали».

[12] А.Остапенко (младший политрук в мае 1942 г.) 11 августа 1969 г. в г. Львове во время заседания Военного трибунала Закарпатского военного округа в своем последнем слове не признавал своей вины, говорил о своем героизме, проявленном в боях и даже о сбитых им трех самолетах, подбитом танке! Приговорен к расстрелу.

[13] В 2004 г. на месте расстрела евреев в Змиевской балке была установлена мемориальная доска с надписью: «11-12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста». Однако накануне 70-летия трагедии в ноябре 2011 г., по решению местной администрации мемориальную доску, посвященную жертвам Холокоста, заменили на новую, с другой надписью: «Здесь, в Змиевской балке, в августе 1942 года гитлеровскими оккупантами было уничтожено более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных. Среди убитых – представители многих национальностей. Змиевская балка – крупнейшее на территории Российской Федерации место массового уничтожения фашистскими захватчиками советских граждан в период Великой Отечественной войны». Вроде все правильно: здесь были расстреляны не только евреи. Но именно евреи были расстреляны первыми и составляют большинство среди убитых на этом месте.

Наверх

Отзыв

Оглавление

Нравится Поделиться 0

[Convert this page - http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer5_6/Shneer1.php](http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer5_6/Shneer1.php) - to PDF file

Комментарии:

Соплеменник

- at 2014-05-27 12:55:44 EDT

Элиэзер М. Рабинович

- at 2014-05-27 05:27:20 EDT

...

Категорически не одобряю статью - не первую автора, одобряющего советские карательные органы, известные полным отсутствием справедливости. Резко осуждаю скоростные суды без должной процедуры и казни без обжалования. Страшный СМЕРШ стоял за спинами наших солдат и стрелял при отступлении - ничего подобного не были ни в одной другой армии, даже у немцев...

=====

Уважаемый Элиэзер!

Позвольте немного поправить.

СМЕРШ - военная контрразведка и не более.

За спинами солдат стояли т.н. заградотряды НКВД и далее Войска НКВД по охране тыла.

У немцев примерно аналогичные функции выполняла Военная Полевая Жандармерия.

Элиэзер М. Рабинович

- at 2014-05-27 05:27:20 EDT

Я от себя лично говорю: «Спасибо тем сотрудникам НКВД, СМЕРШ, МГБ, КГБ, еще живым и уже ушедшим в мир иной, которые до конца 80-х годов разыскивали убийц среди нацистских пособников».

Категорически не одобряю статью - не первую автора, одобряющего советские карательные органы, известные полным отсутствием справедливости. Резко осуждаю скоростные суды без должной процедуры и казни без обжалования. Страшный СМЕРШ стоял за спинами наших солдат и стрелял при отступлении - ничего подобного не были ни в одной другой армии, даже у немцев. Это всё подлинно фашистские органы - СМЕРШ, МГБ, КГБ.

Разное

